

Не спеша поднимаясь по больничной лестнице в отделение терапии, Ян Колдунов сетовал на судьбу и собственную бесхарактерность, из-за которых ему в разгар июля вместо солнечных лучей и теплого пляжного песочка приходится довольствоваться унылыми бетонными стенами и лампами дневного света.

Официально он был в отпуске, но коллеги из дружественного стационара, где располагалась клиническая база кафедры, попросили выручить. Что ж, Ян отказываться не стал и даже не сильно обижался, что ему, как человеку, во-первых, пришлому, а во-вторых, самому молодому, поручают наиболее скучную и простую работу.

Уже зная, что терапевты запрещают курить у себя в ординаторской, Ян предусмотрительно поднялся на чердак, быстренько высадил сигаретку, перемигнувшись с наглым зеленоглазым больничным котом, и, последний раз отругав себя за безотказность, отправился в терапию. В коридоре Ян столкнулся с начмедом, который стремительно пронесся мимо, оставляя за собой волну ярости.

Чудом не попав под горячую руку, Колдунов вошел в ординаторскую.

— Добрый день!

— Нет, ты подумай, орет, как на девочку, а у меня стаж вдвое больше, чем у него! — энергично перебила заведующая, которую Ян видел второй раз в жизни и еще не запомнил, как зовут.

Чтобы не вовлекаться в больничные интриги, он неопределенно кивнул и потряс почкообразным тазиком с иглами для плевральных пункций, который принес с собой.

— Безобразие! И если бы еще понимал, о чем говорит!

— Да уж, кошмар, — поддакнул Ян.

— На ровном месте до истерики довел, как теперь прикажете работать? — заведующая картинно прижала руки к груди.

— Нежные вы люди, терапевты, — Ян улыбнулся и поставил свой тазик на стол, стараясь, чтобы он звякнул погромче, — слишком все близко к сердцу принимаете...

— Ой, можно подумать, вам безразлично.

— На нас каждый день орут, то начмед, то кто-нибудь еще, мы привыкли. «Все сказал? Свободен». И работаем себе дальше.

— Ян Александрович, боже, вы ли это? — с этими словами из-за шкафа вышла девушка, и сердце Яна приятно дрогнуло, потому что он узнал Олю, свое первое студенческое увлечение.

Он помнил ее очень хорошенькой, похожей на ангелочка со старинной рождественской открытки, и за те несколько лет, что они не виделись, это

нежное, немного конфетное очарование никуда не исчезло.

— Да, это я, — признался Ян, а Оля улыбнулась в ответ, и ему вдруг сделалось радостно просто оттого, что она существует и он видит ее сейчас.

Четыре года назад они познакомились на дискотеке в клубе академии. В темном зале можно было разглядеть только пухленькую фигуру, поэтому Оля не пользовалась успехом, подпирала стенку, и Ян пригласил ее на медляк скорее из жалости, чем из интереса.

От девушки пахло чистотой и очень простыми, но тонкими и ненавязчивыми духами, двигалась она легко, и вообще чувствовать ее рядом с собой было очень приятно.

Ян проводил ее домой, взял телефончик просто из вежливости, но потом все-таки позвонил, позвал в кино, и только в фойе, угощая свою даму кофе, вдруг заметил, какая она миленькая.

А когда выяснилось, что она тоже учится в медицинском, то Ян почувствовал, будто знает Олю всю жизнь.

Есть у врачей такое братство не братство, но, в общем, свойство понимать друг друга с полуслова. И не только романтики это касается. Например, доктор пришел в эту больницу три дня назад, а уже полное ощущение, что работает здесь с незапамятных времен и знаком с коллегами сто лет. Как винтик в системе, только в хорошем смысле.

Тогда они несколько раз встречались, целовались в темных дворах-колодцах и вообще в каждом укромном уголке, но Оля была девушка серьезная,

до свадьбы ни-ни, а Ян фанатично занимался хирургией и не хотел отвлекаться на такое серьезное дело, как создание семьи. И как-то все мирно и весело сошло у них на нет, без взаимных обид и злобы. Яну нравилась Оля, но организм требовал не романтики, а именно того, в чем девушка отказывала ему, так что он стал звать ее на свидания все реже, держа в уме, что, как только образуется свободная минутка, он обязательно подумает о женитьбе. Между тем работать становилось все интереснее и интереснее, Ян сутками пропадал в клинике, приходя домой только поспать. Он числил Олю своей девушкой, но однажды не звонил ей целых три недели, а когда спохватился, выяснилось, что она нашла себе более перспективного поклонника. Ян тогда вроде бы расстроился, а вроде бы и нет, скорее почувствовал облегчение, что одна проблема отпала. Но Оле, конечно, соврал, будто ужасно страдает.

— Ну приветтики, — сказала Оля невозмутимо и сунула ему увесистую пачку историй болезни, — вот тебе на пункции.

— Спасибо, конечно. А снимки есть или, как всегда, только описание?

Оля молча кивнула ему на стопку больших конвертов из почтовой бумаги, откуда выглядывали черные краешки рентгенограмм.

— Снимки ему подавай, — фыркнула заведующая, — а перкуссию Леопольд Ауэнбруггер для кого придумал? Совсем разучились физикальными методами работать.

— Сами бы и пунктировали, если такие умные, — пробормотал Ян себе под нос.

Заведующая услышала и рассмеялась:

— Да мы бы с удовольствием, но сам знаешь, если хирург проткнет селезенку, то это норма жизни, а если терапевт — нездоровая сенсация. Так что не обессудьте... Ольга Анатольевна, покажите доктору рабочее место.

— Пойдем.

Пропуская Олю в дверях, Ян уловил легкий аромат духов, тех же самых, что были у нее тогда, и сердце чуть защемило, но не от любви, а от грусти по себе самому, юному, наивному и радостному оптимисту, теперь навсегда ушедшему в воспоминания.

— А может, сходим как-нибудь на дискач? — шепнул он, склонившись к самому Олиному уху.

— Нет, спасибо.

— Тогда в кафешку? Или в парк поедем погулять?

— Толай в процедурную, Ян, там тебе сейчас будет и дискач, и все, что хочешь, — засмеялась Оля.

Он быстро посмотрел на ее правую руку, но не увидел обручального кольца и решил так скоро не сдаваться.

— Прямо нет-нет?

Оля молча довела его до процедурной, оставила наедине с почкообразным тазиком и пошла искать сестру и скликать пациентов.

Плевральная пункция — процедура простая и довольно нудная, но без должного внимания может привести к трагическим последствиям, как и любое другое вмешательство в человеческий организм, и, как и к любому другому вмешательству, нельзя относиться к ней небрежно и торопиться.

У последнего пациента Ян откачал больше трех литров жидкости шприцом-двадцаткой и в общей сложности провозился почти час.

Рабочее время кончилось, доктора собирались домой, и когда он заглянул в ординаторскую доложить, что задание выполнено, застал их уже без халатов. Оля была в юбке с розами и обтягивающей майке, отчего Яну сразу захотелось с ней целоваться.

Но вместо этого пришлось сесть за стол и записывать истории.

— У всех жидкость получил? — спросила заведующая.

— Обижаете. Фирма веников не вяжет.

— Пиши подробно, чтобы некоторые ценители не придрались.

Ян поморщился. Эту часть работы — механически выводить пустые, ничего не значащие фразы только для того, чтобы было, потому что так положено, он категорически не любил.

— Да у меня протокол резекции желудка получается короче, чем эта ваша пункция, — заныл он.

— Давай, давай! — заведующая засмеялась. — А то совсем хирурги зазнались, уже и истории писать вам не царское дело. Только и слышно от вас, что таблетки назначить может каждый, а ты попробуй рану сердца ушить.

— Вот именно, нездоровый снобизм, — включилась Оля, — и не зовите нас тогда на гипертонические кризы. Раз каждый может.

— А вы нас на тромбофлебиты не дергайте, — парировал Ян. — Гепарином намазать-то уж точно Гиппократом быть не надо.

— Будет вам, дети, не ссорьтесь, — улыбнулась заведующая, — на одной земле живем, одно дело делаем, что делить? Ну все, я побежала, а вы, Ольга Анатольевна, проследите, чтобы он тут все нормально дописал.

Насупившись, Ян в пятый раз принялся выводить «*под местной анестезией р-ром новокаина...*», а Оля принесла в пол-литровой банке воды и сунула туда кипятильник.

— Вроде мы тебе чай с тортиком за работу обещали...

— Чай — это не совсем то, чего бы я хотел, — признался Ян.

Элегически вздохнув, Оля заметила, что жизнь вообще такая штука, что мы редко получаем то, что хотим.

— Рад бы возразить, да нечего, — с этими словами Ян поднялся из-за стола и устался в окно, надеясь найти там источник вдохновения.

Терапия располагалась на восьмом этаже, и вид из окна открывался действительно великолепный. Вдалеке поблескивала узкая полоска залива, по рельсам гусеницей полз товарный поезд, а дальше далеко-далеко простирались кварталы новостроек, будто какой-то гигантский ребенок играл здесь в свой гигантский конструктор. Вдалеке искоркой отсвечивал купол собора, возможно, Исаакиевского, а возможно, и нет, Ян плоховато ориентировался на местности. Сразу за больничной территорией простиралась большая, огороженная бетонным забором стройка с разрытой серой землей и живым кипучим беспорядком.

— Красиво, — сказал он.

— Да, ничего.

— Так, может, все-таки?

— Колдунов, не будь занудой.

— Буду, потому что зануде легче дать, чем отказать.

— Нет, не легче. Ян, правда, — Оля заглянула ему в глаза и ласково улыбнулась, — что было, то прошло. Ты бы обо мне вообще не вспомнил, если бы мы сейчас не столкнулись.

— Может, и так. Но мы же... — Ян смутился, не представляя, как спросить и не скатиться в жуткую пошлятину.

— Были счастливы вместе?

— Ну да. С поправкой на то, что я вел себя как идиот.

— Да почему? Все нормально было, и ты мне нравился. Надо было тогда тебя быстренько женить на себе по залету, как девчонки советовали.

Ян засмеялся:

— Интересно, как бы ты это провернула, с твоими моральными устоями?

— А ты бы женился?

— По залету-то? Само собой.

— Да... Жаль, что не рискнула. А теперь что ж, два раза на одни и те же грабли не наступишь.

Ян посмотрел, как в небе величественно разворачивается стрела подъемного крана, перенося огромную бетонную плиту, которая отсюда смотрелась, как воздушный змей.

Чуть выше летел серебристый, точно окунь, самолет, в открытую форточку слабо доносился мерный звук его моторов и шум стройки.

И вдруг Яну так остро стало жаль, что он не является частью простирающегося перед ним города... Живет как-то боком, урывками, а мог бы поселиться в одном из этих новых домов, водить ребенка в детский сад и ждать второго. Быстро прикинув, сколько лет прошло с их романа, Ян сообразил, что второй мог бы уже и родиться. Он бы не спал ночами, бегал на молочную кухню, таскал домой картошку в рюкзаке, и в этой суете, наверное, был бы счастлив. Или нет, но времени бы не оставалось жалеть себя и воображать себе иную участь.

— Очень жаль, что так у нас вышло, — сказал он, — и тогда было жаль, и теперь особенно.

— Не грусти. Все равно в жизни всегда все идет не так, как ты себе вообразишь. Даже если мечты твои сбываются.

Вода в банке забурлила, но Ян сказал, что раз Оля на свидание с ним не пойдет, то он и чай пить не будет.

Сдав по счету использованные иглы перевязочной сестре, Ян немного еще пошатался по отделению, но места для подвига в жизни все не находилось. Пациенты поправлялись по плану, никто не нуждался в экстренной операции, и даже истории все, редкий случай, были оформлены вплоть до того, что в листах назначений проставлены режимы и столы, что Ян порой забывал делать, как прописывал голод при поступлении, так и оставлял, и больные у него умирали бы от истощения, если бы не внимательные медсестры.

Работы нет, а он совсем не устал, наоборот, чувствует прилив сил после приятной встречи с Олей, глупо идти домой и падать на диван.

Ян спустился в приемный покой, зная, что уж там-то всегда найдется если не интересная работа, то способ устать, и пока бежал по лестнице, на сердце снова сделалось легко и весело. Да, он уже не так юн и наивен, но все еще молод и может влюбиться снова. А что Оля не захотела с ним пойти, так это ничего не значит. Сегодня нет, завтра — да. Образуется еще.

В приемнике, как всегда, кипела жизнь. Ян прошел мимо согнувшегося пополам юноши (перфоративная язва, менее вероятно — почечная колика), двух одинаковых с лица полных женщин, одна помладше, другая постарше (подъем АД или приступ стенокардии у матери, дочь сопровождает), мимо мелко трясущегося мужчины с красным лицом, которого следовало срочно брать в оборот, пока он не выдал белую горячку, — и оказался на посту.

Втайне Ян гордился своим умением ставить диагноз, что называется, «с порога», но помнил, что в медицине очень часто все не то, что кажется на первый взгляд, и хоть первая мысль всегда от Бога, но есть нюансы. Поддаться первому впечатлению — значит подвергнуть больного смертельному риску. Пусть юноша на кушетке и выглядит типичным язвенником, заставить его согнуться могло множество самых разных заболеваний, и даже у предполагаемого алкаша типично похмельный вид не обязательно вызван пьянством.

Почти всегда, но не всегда. Надо держать в уме и диабет, и опухоль надпочечников, и, главное, то, что ты сам всего не можешь знать. Поэтому надо внимательно собирать анамнез, осматривать больного и назначать дополнительные исследования. А с последним пунктом дела обстоят так себе... Лаборатория делает только клинические анализы, рентген-аппарат ломается с завидной регулярностью, так что приходится проявлять чудеса изворотливости в своем клиническом мышлении.

Заглянув в комнатку позади сестринского поста и увидев дежурного хирурга Коршунова, Ян отпрянул, ибо совершенно не хотел работать с этим прекрасным, практически безупречным человеком, тем более за бесплатно. Надеялся быстро исчезнуть, но Коршунов уже заметил его:

— Добрый вечер, Ян Александрович!

— Добрый, Константин Петрович. Я заглянул буквально на секундочку, узнать, не нужна ли помощь.

Константин Петрович ожидаемо ответил, что никакая помощь ему не нужна, и вернулся к своим делам. Взяв со стола завывающуюся крупным локоном ленту ЭКГ, он вернул ее медсестре со словами:

— Нет, это надо переделать.

Ян, который уже почти ушел, поставил занесенную над порогом ногу обратно. Ему стало интересно, что будет дальше, ибо такого хамства врачи себе обычно не позволяли. Тем более хирурги, для которых ЭКГ представляла собой темный лес в любом качестве исполнения.

— Но тут же читаемо, — почти прошептала медсестра, в которой Ян узнал свою старую знакомую.

Надя работала у них в академии в клинике детской хирургии, а здесь поддежуривала. Может, и не семи пядей во лбу, но от нее Ян принял бы ЭКГ в любом виде, зная, что добросовестная Надя сделала все, что могла.

Подмигнув девушке, он взял ленту и с умным видом пропустил между пальцев:

— Да нормальная пленка, что вы, Константин Петрович! Вот вам, пожалуйста, сегмент ST, вот комплекс QRS, все на месте.

Коршунов обдал его таким ледяным взглядом, что Ян чуть не разлетелся на тысячу кусочков.

— Я отвечаю за больного, значит, я решаю, устроит меня пленка или нет. Я не собираюсь пропускать инфаркт только потому, что медсестра не желает выполнять свои прямые обязанности! — отчеканил Константин Петрович.

— Но аппарат лучше не снимет, — прошелестела Надя.

— Нет, правда, вы даете нереальные планы, — не сдавался Ян, — вы, наверное, просто здешний кардиограф не видели, это же древность, раритет, еще к батарее надо заземляться! Вечно дает наводку, как ни старайся!

— Поражаюсь вашей осведомленности, Ян Александрович, — фыркнул Коршунов, — вы три дня тут работаете, а уже знаете, что вечно, а что нет. И прежде чем вы найдете новый аргумент, предлагаю свернуть дискуссию, ибо она приведет

только к бессмысленной потере времени. Я нахожусь на рабочем месте, а вы — нет, следовательно, медсестра будет выполнять мои распоряжения, а не ваши.

«Зря я сюда приперся», — вздохнул Ян про себя, а вслух сказал:

— Ладно, Надюша, пойдем, посмотрим, что можно выжать из этого дедушки функциональной диагностики.

Формально Коршунов был прав, но если бы сегодня дежурила не безропотная Надя, а, например, мощная Оксана, Константин Петрович быстренько растерял бы всю свою спесь и был бы счастлив как дитя, если бы ему в принципе сняли ЭКГ, а не послали куда подальше.

Ян кинул заземление на трубу холодной воды, смочил присоску груши, которая от долгих лет эксплуатации растеряла почти всю свою эластичность, Надя особым образом стукнула по аппарату, и соединенными усилиями им все же удалось записать пленку не сильно лучше прежней, но все же чуть-чуть более читабельную, которая удовлетворила Коршунова если не в плане жажды знаний, то в смысле самолюбия точно.

Желать спокойного дежурства очень плохая примета, поэтому, от всей души пожелав Наде терпения и выдержки, Ян вышел на улицу. Солнце припекало, но под пандусом держался приятный тенок. Прислонившись к колонне, Ян закурил, думая, что ему делать дальше. Домой не хочется, а с этим занудой он не останется дежурить ни за какие коврижки. Эх, как все-таки жаль, что Оля не

захотела провести с ним вечер... Мороженого бы хоть поели...

— Ян Александрович, позвольте мне дать вам небольшой совет? — сухой голос Коршунова вырвал его из приятных грез.

— Вы насчет субординации хлопчете, Константин Петрович?

— Отнюдь. Я просто хотел бы передать вам наставление своего деда о том, что надо иметь чувство фигни. Он, правда, выражался несколько крепче, но мы с вами интеллигентные люди...

— О да! — с жаром подтвердил Ян.

— И находимся в стенах государственного учреждения, поэтому пусть будет фигня.

— Ну пусть.

— Так вот мой дед всегда говорил, что, если ты чувствуешь, что все идет не так, как надо, не спеши убеждать себя, что это не так.

Ян заметил, что для него это слишком сложная конструкция.

— Короче, если видишь, что происходит фигня, не доверяй сразу тем, кто твердит тебе, что все в порядке, даже если это пытается тебе внушить твой внутренний голос. Что, мол, нет, это не фигня, все нормально, иначе не бывает и сделать невозможно. Как бы тебя ни убеждали, не торопись гасить в себе это чувство. И уж тем более не спеши успокаиваться, если чувствуешь, что сам творишь фигню.

— Да, это, пожалуй, верно, — кивнул Ян, — бывает, на операции вроде бы ни с чего засвербит, так лучше сразу остановиться и переделать. Вро-

де и ты устал, и больной давно в наркозе, и объем будет больше, чем по первоначальному плану, но, если чувствуешь, что делаешь не то, никогда не надо уговаривать себя, что все в порядке. Потом или переделывать в три раза больше, или больной вообще помрет.

— Вот видите, Ян Александрович, оказывается, мы с вами одинаково смотрим на вещи. Зачем же вы тогда идете на поводу у медсестры?

Ян повторил, что кардиограф никуда не годится.

— Но тем не менее получилась же приличная пленка, в конце концов! Знаете, когда человек не хочет работать, он всегда найдет тысячу оправданий.

— Но это же Надька! Вы лучше моего знаете, что она пашет дай бог каждому.

— И тем не менее, — с нажимом произнес Константин Петрович, любящий, чтобы последнее слово оставалось всегда за ним.

Ян молча выдохнул дым и показал Коршунову глазами на ворота, к которым подъезжала «скорая» без сирены, но с включенным синим маячком, еле различимым в солнечном свете.

— Подожду на всякий случай, — сказал он, — вдруг ДТП или три ножевых оптом, как в прошлый раз.

Но выскочивший из кабины знакомый фельдшер, заметив Яна, крикнул «к терапевту».

— Что ж, не судьба тогда. Пойду домой.

— Хорошо, Ян Александрович, — важно кивнул Коршунов, — если позволите, у меня будет к вам небольшое поручение.

— Слушаю вас.

— Купите, пожалуйста, по дороге хлеба, если это вас не затруднит.

— Отнюдь, — буркнул Ян.

— И будьте добры, не вздумайте курить в квартире. Если вам кажется, что вы успеваете проветрить, то нет.

Ян поморщился, но обещал. В принципе, ему и самому больше нравилось дымить на улице, бесил сам факт запрета.

В конце мая Ян неожиданно остался в съемной квартире один. Витя Зейда с женой после рождения дочки окончательно перебрались к родителям, и только они с Васей и Диной (другой семейной парой, проживавшей в квартире, спланировали приятный совместный быт, как вдруг умерла бабушка Дины, оставив ей комнату в коммуналке, но сорокаметровую и в центре города. Молодые поскорее переехали туда за столбить жилплощадь, пока ее не прибрали к рукам ретивые соседи.

Даже Димка Лившиц и тот внезапно женился и перебрался к супруге.

Целую неделю Ян провел наедине с воспоминаниями и то хотел тоже съехать, то, наоборот, остаться насовсем там, где прошли самые счастливые и самые грустные дни его жизни. Иногда было пронзительно тяжело идти мимо библиотеки, в которой больше не работала Наташа, и возвращаться домой с мыслью, что еще два месяца назад он был твердо уверен, что сегодня она будет встречать его на пороге. А иногда эти же воспоминания отзыва-

лись теплой и ласковой печалью, и Ян никуда не хотел от них уходить.

Но так или иначе, а целую квартиру ему было финансово не потянуть, поэтому следовало или срочно съезжать, или искать приличного соседа.

Ян поехал в общагу, где ему быстро сосватали Коршунова, аспиранта кафедры детской хирургии. Теперь, зная Константина Петровича, Ян сказал бы «подозрительно быстро», а тогда только порадовался, что нашелся единомышленник, коллега и в целом культурный человек, с которым всегда будет о чем поговорить. А главное, не первокурсник, а взрослый мужчина, прошедший сквозь тестостероновую бурю, так что девчонки и пьянки занимают в его жизни значительное, но не приоритетное место.

Впрочем, насчет девчонок можно было не волноваться: Константин Петрович был редкостно красив той холодной скандинавской красотой, которая предполагает скорее восторженное поклонение, чем разнузданные оргии.

Коршунов учился на курс младше и на морском факультете, общих дел у них никогда не было, но глаз невольно цеплялся за такую выдающуюся внешность, так что Ян хорошо знал нового соседа в лицо, зато о характере не имел ни малейшего представления.

При первом знакомстве Константин Петрович произвел на Яна очень хорошее впечатление. Вежливый, умный, аккуратный, что еще нужно для приятного соседства? Разве что немного старомодные манеры, но вначале это даже расположи-

ло Яна, напомнив любимый фильм по произведениям Конан Дойля, и ему живо представилось, как они с Коршуновым заживут так же весело и интересно, как Холмс и Ватсон.

Даже в том, что фамилии у них различались только на две буквы, Яну увиделся хороший знак. Но это все лирика, главное, что Константин Петрович готов был платить половину всей суммы, так что у них получалось по комнате каждому плюс одна проходная общая, буквально царские условия.

Немного насторожило предложение общаться на «вы» и по имени-отчеству, «дабы избежать фамильярности на службе». Ладно, подумал Ян, в конце концов, у взрослых людей принято такое обращение, так почему бы и не начать привыкать, и ничего плохого не заподозрил.

Коршунов оказался добросовестным парнем, исправно нес свою часть уборки и хозяйственных расходов, не буянил, но не успел Ян порадоваться отличному соседству, как Константин Петрович вручил ему календарик с обведенными в кружочек некоторыми числами. «Это что, ваш цикл?» — изумился Ян и получил в ответ, что в каком-то смысле да, в календаре отмечены его дежурства. В указанные даты Ян может привести в дом девушку, но в остальные дни ни-ни.

Признав мудрость подобного подхода, Ян передал товарищу встречный документ, который был принят с прохладной благодарностью и пояснением, что девушка — это человек женского пола в количестве 1 шт. От более расширенных

гулянок Константин Петрович потребовал воздержаться.

В принципе Ян и сам давно охладел к такому времяпрепровождению. Готовить, потом убирать ради того, чтобы все напились как свиньи, так себе идея. Но Коршунов оказался вообще непьющим человеком. Раньше Ян знал, что, как бы плохо ни прошел день, вечером всегда можно сесть с Васей на кухне, поговорить по душам, а в особо тяжелые минуты и замахнуть грамм по двести. Теперь нет. Теперь только чай, за которым даже сигаретку не засмолишь, потому что Константин Петрович, видите ли, не выносит табачного дыма.

Нет, здоровый образ жизни — это отлично, и распорядок дня тоже хорошо, ведь у него сейчас самые важные для всей профессиональной судьбы годы, тот самый «золотой час», как у тяжелого экстренного больного. Если успеешь за это время провести все обследования, поставить правильный диагноз и принять нужное решение, у пациента появляется шанс, нет — поезд ушел. Так и Ян, если хочет чего-то добиться, должен именно сейчас наработать мастерство и (что поделать, жизнь есть жизнь) зарекомендовать себя перед вышестоящим начальством. Глупо тратить время на бессмысленный разгул.

Они с Константином Петровичем не подружились, но в духе времени быстро наладили добрососедские отношения и мирное сосуществование, все сложилось хорошо, только Ян никак не мог отделаться от чувства, будто вместо взрослой жизни попал на воспитание к строгому гувернеру. Лучше

бы взял в соседи парочку бесшабашных курсантов и сам стал для них старшим другом и суровым наставником.

Только возле дома он вспомнил, что надо купить хлеба, развернулся и побежал обратно к метро.

* * *

В автобусе Надя мечтала только о том, как щека коснется свежей прохладной наволочки, но оказалось, что дома вместо любимой кровати ждет тетя Люся в сарафане и с пляжной сумкой.

— Айда на пруды! — закричала тетя, как только Надя приоткрыла дверь в комнату. — Я уже все тебе собрала.

— Теть, я с дежурства, хочу спать...

— Ишь, нежная какая! На заливе и поспишь.

— Правда устала.

— Поэтому и устала, что не бываешь на свежем воздухе! Лето проходит, а ты бледная, как дети под земелья. Все, давай, без разговоров.

Надя вздохнула и заглянула в пакет, который тетя Люся сунула ей в руки.

— И нечего смотреть, я все собрала. Или ты мне не доверишь?

— Ну что ты, тетя Люся, — Надя улыbnулась, но все же убедилась, что в сумке точно лежит купальник и полотенце, и схватила с полки первую попавшуюся книгу, на случай если не уснет на берегу.

— Опять роман! — воскликнула тетя Люся с досадой. — Вот забиваешь ты себе мозги всякой ерундой, Надежда! Все в облаках витаешь...

— Да где я витаю, — вяло огрызнулась Надя, закрывая входную дверь и думая, как глупо выходить под палящее солнце из сыроватой прохлады подъезда.

— Сама знаешь где, — тут тетя Люся увидела вдалеке трамвай и с удивительной для ее комплекции скоростью помчалась к остановке. Надя потрусила следом.

Им повезло, трамвай подошел тот, что нужно, и водитель подождал двух несущихся ему наперерез женщин, и народу внутри оказалось не слишком много. Пока Надя бросала шесть копеек в кассу и отрывала билетки, тетя Люся, отдуваясь после кросса, заняла им двойное сиденье и пропустила Надю к окну, как в детстве.

— Все мечтаешь о кренделях небесных, — громкогласно продолжала тетя прерванный разговор, — все принца ждешь.

Надя показала глазами, что они в трамвае не одни.

— А что такого, я правильные вещи говорю! Уткнулась в книги разные дурацкие, забиваешь себе голову романтикой всякой, а жизнь проходит! Чай, не девочка уже, засиделась!

Надя уставилась в окно, якобы она не вместе с этой дородной женщиной в цветастом сарафане и выкрашенными хной волосами, но это, конечно, было глупо.

— Это все отец тебя разбаловал, — вздохнула тетя Люся и похлопала Надю по коленке, — говорила я ему, но куда там... А теперь что?

— Что?

— Плачевный результат. Я в твои годы уже Ваську родила и ждала Аленку, между прочим.

— Ну вот не получается пока. Это же не от меня зависит.

— Конечно, если будешь сидеть и ждать, пока счастье на блюдечке поднесут. Действовать надо! Спустишься на землю в первую очередь и посмотри, есть вокруг нормальные ребята!

Надя побыстрее опустила взгляд, чтобы не смущать нормальных ребят, едущих сейчас в трамвае. У тетиных призывов есть вполне конкретный адресат: она давно хотела свести племянницу с сыном лучшей подруги, который сейчас, очень возможно, проходил аналогичную обработку со стороны своей родительницы.

— Ты про Мишу?

— А чем он тебе плох? Приличный мальчик, руки откуда надо. Или тебе с высшим образованием подавай? Так, знаешь, дорогая моя, доктора на медсестрах не особо-то женятся, у них свои невесты есть.

Надя ничего не ответила.

— Что надулась как мышь на крупу? Правду говорю.

— Да знаю я, тетя! Но что я могу поделать, если Миша сам не звонит.

Тетя Люся засмеялась и обняла Надю, прижав к своему мягкому теплему боку:

— Эх ты, дурища, да разве не знаешь, какой мужик нынче хлипкий пошел! Сам не понимает, чего хочет! Надо брать инициативу в свои руки, а то так и прокукуешь. Пока будешь из себя принцессу

в башне изображать, всех приличных парней разберут. Сама позвони.

— И пригласить на свидание? Но это как-то глупо.

Тетя Люся с шумным вздохом закатила глаза:

— Эх, Надежда-Надежда, всему тебя учить надо... Придумай благовидный предлог! Мы же женщины, хитрость — наше главное оружие!

Надя обернулась к окну, пряча улыбку. Главным оружием тети Люси была, конечно, беспардонная наглость, которую она почему-то считала дьявольской хитростью.

— Ну вот, подумай, деточка, а то годы-то идут, оглянуться не успеешь, как молодость тью-тью. И тогда уж все. Уплывет счастье, и не догонишь.

— Я постараюсь, тетя.

— Вот и умница.

Трамвай бежал, слегка раскачиваясь и звеня на перекрестках, мимо залитых солнцем новостроек.

Надя смотрела на бесконечно длинные дома-корабли, перемежающиеся красными кирпичными башнями и двухэтажными гастрономами-стекляшками. Возле угла одного из них выстроилась небольшая очередь. Или «выбросили» что-то дефицитное, или люди ждут двух часов дня, чтобы купить алкоголь.

Из окна трамвая не видно, но если пройти в глубь такого квартала, будет школа или поликлиника. Уже три остановки проехали, а пейзаж одинаковый, если задремлешь по дороге, то, проснувшись, так сразу и не сообразишь, где находишься. Типовые дома, типовая жизнь, а другой и не быва-

ет. Другое — это мечты, погрузившись в которые, пропустишь все самое важное и интересное.

Надя вздохнула. Она всегда знала, что мечты ее несбыточны, а любовь — безответна, искренне соглашалась с утверждением тети Люси, что мечты бледнеют и исчезают, когда ты с головой ныряешь в настоящую жизнь, а если и остаются с тобой навсегда, то как память о дерзких надеждах юности, и уже не способны причинить боль. Все это Надя знала, но сердце все равно предательски выпрыгнуло из груди всякий раз, когда она видела Костю Коршунова.

Единственная четверка по физике лишила Надю красного диплома медучилица, открывающего дверь в институт, но высокий балл дал право на хорошее распределение, и она поступила работать в клинику детской хирургии. Там и встретила курсанта третьего курса Коршунова. Оба они тогда только начинали свой путь в профессии, но если про Надю непонятно было, что из нее получится, то, глядя на Костю, никто не сомневался, что он далеко пойдет.

Курсант Коршунов был сдержан, сух, нечеловечески эрудирован, фантастически работоспособен и адски требователен. Ну и красив, конечно, что тут говорить...

Это был человек из другого мира, царства свободных, красивых и умных людей, рожденных для великих свершений. Мира, куда простой медсестре невозможно попасть. Любимые Надины книжки коварно нашептывали обратное, но сказки есть сказки, а жизнь есть жизнь. И все же ино-

гда в душе против воли вспыхивали жгучие искорки надежды...

Правила работы в хирургии не позволяют девушке в полной мере раскрыть свою привлекательность. Нельзя духи, нельзя маникюр, вместо модных тряпочек на тебе белый халат, который к концу смены превращается в невразумительную тряпку, как ты его ни крахмаль и ни отбеливай накануне. Краситься тоже нельзя, во-первых, частички косметики могут попасть в рану, а главное, как наденешь маску, так всему твоему макияжу и конец. Волосы надо убирать под шапочку, и даже обувь должна быть на низком каблуке.

Конечно, после работы ты свободна, и в сестринской можешь переодеться во что хочешь и накраситься в свое удовольствие, и в таком виде помаячить перед ординаторской, чтобы доктора впечатлились, но у Нади в гардеробе самой модной и приличной вещью был именно халат, а краситься она не умела. Точнее говоря, косметика удивительным образом ей не шла, даже странно, вроде бы и лицо у нее блеклое, невзрачное, как раз из тех, про которые говорят, что на нем можно нарисовать что угодно, а вот не получалась из нее красотка, хоть ты тресни! И сама она сто раз пробовала, и поднаторевшие в искусстве макияжа подружки. В итоге все решили, что ей лучше так, к неистовой радости тети Люси, имевшей привычку гоняться за юными престелницами с мокрым полотенцем и воплями «в шестнадцать лет вы все красавицы без всякой штукатурки».

Впрочем, какая разница, как выглядит серая мышь, ведь король выбирает королеву... Такую же красивую и свободную, как он сам.

Надя ни на что не надеялась, но жизнь тем не менее обрела новый смысл.

Собираясь на работу, она загадывала, встретит ли сегодня Костю и получится ли с ним поговорить? Пусть даже этот разговор касается исключительно врачебных назначений, все равно... Иногда разрешала себе погрузиться в мечты, в фантастический мир, где Костя тоже в нее влюбился. Детство, ребячество, но сердцу не прикажешь.

Сразу отчаявшись, что Костя влюбится, она надеялась, что он обратит внимание хотя бы на ее работу, похвалит, что она такая исполнительная и ответственная, как делали другие доктора, но увы...

Быстро выяснилось, что она не была для него ни хорошей, ни плохой, он просто не выделял ее из массы других медсестер. С грехом пополам знал старшую, а остальных не различал ни в лицо, ни по имени.

Однажды она услышала, как он, отчитывая своего сокурсника за то, что тот садится пить чай с сестрами, сказал: «Общаясь с простыми людьми, необходимо оставаться в узком промежутке между фамильярностью и высокомерием».

Тогда Надя с абсолютной ясностью поняла, что она для Кости именно простой человек, то есть никто, тот самый пресловутый винтик в государственной машине, который надо уважать, пока он на своем месте, но который в любой момент можно быстро и безболезненно заменить на другой.

Безликий винтик, никто не будет в него вглядываться, выяснять, чем он отличается в куче точно таких же. И никому не интересно, что у этого винтика на душе, пока он выполняет свою работу.

Открытие было не сказать чтобы таким уж неожиданным и горьким, Надя примерно представляла себе свое место в этом мире уже к шестнадцати годам, просто надежда на взаимность, которой не было и так, теперь утонула окончательно.

Оставалось только верить, что она повзрослеет и перерастет детскую любовь, но этого тоже не случилось. Выросли только мечты, если раньше она представляла, как ходит с Костей на свидания, то теперь в ее воздушном замке они уже поженились и завели детей. А в остальном сердце все так же замирало при виде Коршунова, как и пять лет назад.

А он все так же ее не замечал. Разве что имя запомнил, но и в этом Надя не была уверена.

В прошлом году он вдруг спросил, не хочет ли она подработать в больнице, где он сам периодически дежурит, и Надя немедленно согласилась.

Лишние деньги были не особенно нужны, но возможность трудиться плечом к плечу с Костей — бесценна. Она уже вообразила себе, как они вместе едут представляться в отдел кадров, как потом вместе дежурят, понимая друг друга с полуслова, но реальность, как всегда, пошла вразрез с мечтами.

Костя просто дал ей координаты, куда обратиться, а когда она устроилась, их смены очень редко совпадали. Хорошо, если раз в месяц, а то и реже.

После академических порядков новая работа поразила своей напряженной суетой, но мало-по-

малу Надя втянулась в безумный ритм приемника городской больницы, называть который «покой» казалось слегка кощунственным, ибо жизнь там бурлила через край в любое время суток.

Труд был тяжелее, но атмосфера — гораздо более теплой и непринужденной, да и дополнительный доход тоже радовал. Деньги не главное, но все же лучше, когда их больше.

Все шло так хорошо, а вчера она все испортила...

Нужно было просто переснять эту несчастную пленку, но нет, она зачем-то полезла оправдываться, объяснять, жаловаться на плохое оборудование, и получилось только хуже.

Ну да, чертов кардиограф после тысячи ремонтов похож не на медицинскую технику, а на электрическую машину, собранную детьми в кружке «Умелые руки», причем в царской России, но что поделать. Все равно надо стараться, потому что, как говорит папа, если на ужасную технику наложится еще небрежное исполнение, то страшно подумать, куда мы скатимся. Можно подумать, это только в данном конкретном приемном покое такая техническая отсталость, а вся остальная страна трудится на самом передовом и исправном оборудовании. Везде все на соплях и на веревочках, так что надо не капризничать, а приноравливаться.

Хотела она доказать Косте, что хорошо работает, а вышло ровно наоборот. Работает плохо, да еще и наглая, спорит.

Раньше он ее в упор не замечал, но хоть думал, что винтик и винтик, не хуже других, а теперь запомнит, как винтик с левой резьбой.

Нет, пора заканчивать с этим безумием... Почему бы, например, не влюбиться хотя бы в Яна Колдунова, который тоже очень красивый и умный парень? Нет, это, пожалуй, было бы еще хуже. Ян Александрович как бы свой человек, как бы кажется, что с ним все возможно, что он видит в тебе равную себе, хоть ты и медсестра, но доброта эта обманчива. Вот парадокс, для него искренняя, а для тебя обманчива. Он будет тебе помогать, смеяться с тобой, интересоваться, как ты живешь и чем дышишь, и ты поверишь, что у тебя может быть что-то серьезное с таким добрым и теплым человеком. А это не так.

Велик соблазн поверить во всю эту чушь о всеобщем равенстве, но жизнь не подчиняется лозунгам. Тот же какой-нибудь политический обозреватель будет в телевизоре радоваться, как все слои нашего общества живут счастливо и дружно, в едином порыве стремясь к коммунизму, а дома его инфаркт хватит, если сын приведет в качестве невесты лимитчицу с майонезного завода. И разстроится он не только и не столько из-за прописки и других материальных благ, а главным образом оттого, что войдет в семью инородное тело, человек других привычек и культуры. Как говорится, можно вывести девушку из деревни, но деревню из девушки...

Не в том дело, что одни хорошие, другие плохие, а просто разные. Разные цели, разное мировоззрение, разные привычки, трудно таким людям приспособиться друг к другу, а порой и невозможно. Разве что один готов полностью отречься от се-

бя ради другого, но и то другому это должно быть сильно надо... Так что права любимая поговорка тети Люси — всяк сверчок знай свой шесток.

Пора, пора ей остепениться, не книжки читать, а коляску качать. Сколько можно, в самом деле, опьяняться несбыточными мечтами?

Найти подходящего парня себе под стать... Не так это просто, как представляется тете Люсе, ведь любимая племянница красавица только в ее глазах, а для других обычная серость. Не урод, но и не от чего с ума сходить.

И умом, кстати, тоже не блещет, если уж на то пошло. Сын тетиной подруги скучный Миша — действительно ее максимум.

Надя спохватилась и достала из кармана билетки, проверить, не попался ли счастливый. С усилием сложила в уме первые и последние три цифры номеров. Нет, ни в том, ни в другом билете не получилось одинакового значения. Опять не судьба... Счастливый билетик попался ей единственный раз, но зато какой! Даже считать ничего не пришлось, три-три-шесть и шесть-три-три. Редкая удача, но Надя тогда не решилась его съесть, как положено, просто носила в кошельке. А потом билетик затерялся, и ничего особо счастливого так и не случилось.

И вообще, счастье — это когда ты все делаешь правильно и живешь достойно. Выходишь замуж за приличного парня, такого, например, как тетин идеал Миша. Положительный, хорошо зарабатывает, с таким не пропадешь. Детей можно рожать спокойно, зная, что будут сыты и одеты. Потом де-

ти вырастут, выучатся и уедут, а ты растолстеешь и покрасишь волосы хной, Миша станет начальником участка, у вас появятся шесть соток в садоводстве и «москвич». Или даже «жигули». Будете возить в багажнике помидорную рассаду, теревить детей насчет внуков и думать, что жизнь удалась.

Вот тетя Люся живет так и счастлива. Сотки, правда, еще в зародыше, на стадии раскорчевки, и слава богу, иначе ясно, где бы проводила лето любимая племянница, но все остальное в комплекте. Надо пример с нее брать и не мечтать о чем-то большем. Точнее говоря, не о большем, а о чем-то совершенно принципиально другом.

Хочется быть рядом с человеком, который рассуждает не о премиях и прогрессивках, а о том, как победить рак. Который не скандалит с бригадиром за полчаса переработки, а сутки не выходит из клиники, потому что у него тяжелый больной. И в выходной день он идет не к пивному ларьку, не в гараж, а в библиотеку...

Но чтобы быть рядом с таким человеком, надо было самой родиться и вырасти в совсем другой среде. Или с детства переламывать эту среду, общаться совсем с другими людьми, в крайнем случае, самой ходить в библиотеку, причем не как героиня фильма «Москва слезам не верит», а действительно читать книги.

Стиснув зубы, отнести документы не в медучилице, а в девятый класс, бороться за медаль и поступать в институт, тогда да, тогда был бы шанс. А теперь что ж... Слишком далеко она уже продвинулась по торному пути тети Люси...

За этими печальными мыслями Надя чуть не пропустила остановку, тетка буквально сдернула ее с сиденья.

— Вот, кстати, позови Мишу в выходные на залив, — подмигнула тетя, когда они прошли ворота парка и по узкой гравиевой дорожке направились к прудам, — скажи, что подружки дежурят, а одна ты боишься.

Надя улыбнулась:

— Днем на заливе? Что там страшного?

— Да какая разница? Мужчины любят, когда женщины боятся всякой ерунды, такой повод показать себя героем, ничем не рискуя! Боишься, что к тебе парни пристанут, господи, каким азам тебя придется учить! Естественно, он, как рыцарь, с тобой попрется, а там уж купальничек, то-се... Покажешь товар лицом, только, Надежда, чтобы у меня без глупостей! — тетя Люся крепко взяла ее за локоть. — Помни, что надкусанное яблочко никому не надо! Заруби это себе на носу!

— Да уж давно зарубила, тетя.

— А ничего! Повторение — мать учения!

* * *

В отделении, как обычно, внезапно закончился водорастворимый контраст, а больного пора было готовить к выписке, сделать фистулографию перед удалением дренажа, и Ян пошел побираться по отделениям.

В урологии его послали сразу, в нефрологии сначала посочувствовали, сами пожаловались на тя-

желую жизнь, но после тоже послали, Ян расстроился было, но сообразил, что не так давно в этой больнице открыли ангиографию и там-то уж контраст точно найдется.

Старшая сестра по большому благу дала ему ампулку с требованием держать это в строгом секрете, а то «все начнете бегать, так и не напасешься». Поклявшись даже под пытками не выдать, где взял контраст, Ян отправился к себе, но по пути заглянул в операционную. Там как раз производилась ангиография. Врач показалась ему знакомой, он присмотрелся и под шапочкой и маской узнал Соню. Встреча была приятной, и он, быстро натянув колпак и за неимением маски закрыв лицо воротником халата, открыл дверь.

— Куда без фартука? — тут же накинулась на него медсестра. — Здесь рентген!

Ян не особо боялся смертоносного излучения, но все же ретировался и стал смотреть за работой Сони через стекло.

Минут через десять она закончила, эффектным жестом начинающего хирурга бросила перчатки в тазик и вышла к нему в предоперационную.

— Дай хоть за тобой поухаживаю, — Ян подошел к ней со спины, развязал тесемки стерильного халата и с треском расстегнул липучки рентгеновского фартука.

Соня сбросила фартук ему на руки, как норковое манто.

— Ого, тяжелый, — сказал он уважительно, — как рыцарский доспех.

— Защищает от излучения, — улыбнулась Соня.

— Я и не знал, что ты в рентгенхирургию подалась.

— За ней будущее! Сейчас пока только диагностика, но скоро мы научимся под рентгеновским контролем и бляшки удалять, и опухоли эмболизировать! Представь! — Соня говорила с азартом, который очень ей шел: — Больной пришел амбулаторно, раз-раз — и все! Дело сделано — и без всякого риска для пациента!

— Ну классическим методом все-таки надежнее.

— Конечно! — засмеялась Соня. — По колено в крови, половина органокомплекса в тазике!

— Зато видно, что доктор поработал.

— Дело вкуса, конечно.

— Истина все равно где-то посередине. Немножко так, немножко эдак. По показаниям все.

— Ты, как всегда, прав, Ян. А ты теперь тоже здесь работаешь?

— Нет, временно закрываю своим телом кадровую дыру. В сентябре откочую на свое рабочее место.

— Жаль, что так.

— Мне тоже.

Повисла неловкая пауза.

— Ладно, Ян, — наконец сказала Соня, — надо работать.

— Мне тоже. Но я еще зайду.

Она кивнула с тонкой непонятной улыбкой.

Ян сделал фистулографию, безропотно выслушав негодующие крики рентгенолога, который в лучших традициях ораторского искусства сначала возмущался жизнью в целом, потом хирурга-

ми, которым вечно все надо прямо сейчас и в последнюю секунду, а под конец заклеил позором конкретно доктора Колдунова, ибо ему этого всего надо больше всех, так что вообще непонятно, чему его учили в его военно-медицинском ПТУ.

Слушать такое было немножко обидно, но Ян пропустил мимо ушей, уже зная, что этому доктору ругаться необходимо так же, как дышать, зато дело свое он знает туго.

Потом Колдунов отвел своего пациента-ипохондрика на консультацию к профессору Смирнову, древнему дедушке, давно выжившему из ума. В основном Смирнов выращивал в своем кабинете кактусы, коих у него развелась внушительная коллекция, но иногда вспоминал, что является светилом терапии, и требовал жертв. Средняя консультация длилась у него полтора часа, час из которых он собирал анамнез, по три раза переспрашивая одно и то же, а оставшееся время производил физикальный осмотр, хотя почти ничего не видел и не слышал. Иногда мог вздремнуть посреди осмотра, виртуозно притворяясь, что просто глубоко задумался над диагнозом. Если больной был ипохондрик и симулянт, профессор выдавал какой-нибудь несуществующий, но модный и красивый диагноз типа «дуоденостаза», но у настоящего сложного и непонятного пациента находил болезнь под любой маской.

Ян никак не мог понять, как это у деда получается услышать фамилию больного и предполагаемый диагноз только с третьего раза, но, вдев в глухие уши фонендоскоп, засечь нежный диа-

столичный шум. Или теми же самыми глазами, которым требуется двое очков и лупа, чтобы прочитать газету, увидеть микроскопические кровозлияния на коже.

Не зря говорят, что профессиональные навыки отмирают последними...

Сегодня Колдунов ничего интересного от Смирнова не ждал, просто хотел, чтобы нудный и мнительный пациент получил ударную дозу внимания и на некоторое время отцепился от него самого.

На этом рабочий день подошел к концу, и Ян собрался в библиотеку, визит куда давно откладывал под разными благовидными и не очень предложениями. Переодевшись в ординаторской, он даже немного попрыгал, как боксер перед поединком, укрепляя боевой дух, но мысль о научной работе оказалась такой невыносимо тоскливой, что Ян почти против воли заглянул в ангиографию, проверить, не ушла ли Соня.

Она сидела перед негатоскопом и дописывала заключение. Сосуды на снимке напоминали то ли реку со множеством притоков, то ли молнию, то ли одинокое облетевшее дерево в хмуром ноябрьском небе.

— Если подождешь пять минут, подброшу тебя, — сказала Соня, не отрываясь от работы.

— Высоко подбросишь? — засмеялся Ян.

— Куда тебе надо или до метро.

— Мне в библиотеку.

— Хорошо.

Ян сел в уголке на стул, чинно сложив руки. Соня писала вдумчиво, будто стихи сочиняла. То

поглядит на снимок, то задумается, покусывая колпачок ручки, то примется быстро строчить в истории, склонив голову. Ян смотрел на длинную тонкую шею, нежные завитки волос и вспоминал, как сильно Соня нравилась ему.

А потом в его жизни появилась любовь, которой он не звал и не хотел и в которую вообще не верил... Ян вздохнул.

— Сейчас, сейчас, — сказала Соня.

— Я никуда не спешу. Особенно в библиотеку.

Пока шли к Сониной машине, Ян вспомнил, что его божественный сосед сегодня дежурит.

— А хочешь, заедем ко мне, посмотришь, как я живу? — осторожно спросил Ян, устраиваясь на пассажирском сиденье.

Соня повернула ключ зажигания и рассмеялась:

— Что же у тебя за удивительный быт, что за царские покои? Янтарная комната? Или египетская пирамида?

— А вот узнаешь.

— Заинтриговал.

— Поехали, тем более что тут недалеко. Просто посидим, вина попьем...

— Я же за рулем.

— Ну все равно, тормозни у гастронома. К чаю тогда чего-нибудь возьму.

— Ян, не будем лицемерить.

— А, да?

Соня молча улыбнулась.

Войдя в дом, она огляделась.

— Вот, значит, как вы живете...

— Ага, — Ян обнял ее за талию, но Соня мягко отстранилась.

— Давай хоть кофе все-таки попьем для мелкобуржуазного приличия.

Ян рванул в кухню, зажег газ и достал две самые приличные чашки в цветочек. Заглянул в холодильник, хоть и знал, что там ничего интересного нет, кроме кастрюли питательного борща, сваренного Константином Петровичем с учетом законов физиологии и гигиены. На всякий случай он спросил:

— Супчик будешь?

Соня отрицательно покачала головой и села на табуретку.

— Слушай, Ян, ты, если что, не рассказывай папе, что мы общаемся.

— Ну, во-первых, у нас с ним не те отношения, а во-вторых, почему?

— Он о тебе даже слышать не хочет.

— Да? — Ян искренне удивился. Любить его у профессора Бахтиярова особых поводов не было, но все же после того, как Ян не стал топить его за явную врачебную ошибку, Сонин отец стал с ним весьма любезен и даже хвалил за хорошую работу.

— Пойми правильно, он ценит тебя как специалиста, но они с мамой чуть меня не убили, когда я сказала, что мы с тобой весной виделись.

— Так мы тогда просто поговорили, и все.

— Ну так именно! Но если я все забуду и снова стану с тобой встречаться, то я им не дочь.

Ян нахмурился:

— Сонь, я тогда с тобой действительно поступил некрасиво, только ведь...

— Ничего не было, хочешь ты сказать?

— Ну да...

— Так именно! Но ты же мне предпочел другую девушку, как пережить столь страшное оскорбление, — Соня засмеялась, — это ж, получается, признать, что я второй сорт или даже третий, который не брак.

— Вот чего не было на уме, так этого!

— Да я-то понимаю, но помни, Софья, — она приосанилась, изображая своего отца, — никому не позволяй унижать себя, раз и навсегда усвой, что главное в человеке — это чувство собственного достоинства!

— Не поспоришь, — улыбнулся Ян.

— А чувство собственного достоинства наступает у моих родителей, только когда мир крутится вокруг них, только когда все им поклоняются и прислуживают, иначе они чувствуют себя униженными и оскорбленными. Поэтому мысль о том, что я прощу человека, если он отверг такой идеал, как я, и полюбил другую, вызывает у них нервные судороги.

— А ты простишь?

— Ян, так даже вопрос нельзя ставить. Ты ни в чем не виноват передо мной.

Чайник закипел. Ян еще раз заглянул в холодильник, потом в хлебницу. Чуда не случилось.

— Насыпай себе кофе, — сказал он, откупорив серебристую банку с помощью черенка ложки, —

больше нечем показать тебе свою гостеприимность. Дома шаром кати, зря в гастроном не заехали. Еще и курить теперь нельзя в квартире.

— И так хорошо.

— Так ты правда не сердишься на меня за то, что было?

Соня засмеялась:

— Точнее, не было.

— Просто скажи, сердишься или нет.

— Ни капельки. Я себя царицей мира не считаю.

— А зря.

— Ян, серьезно, прекрати! Если бы у нас с тобой сейчас были какие-то серьезные намерения, то я бы призадумалась, конечно. Страшновато было бы выходить за тебя замуж, понимая, что раз ты однажды ушел к другой, то и снова можешь уйти. А так, повстречаться просто ради удовольствия — почему бы и нет?

Ян нахмурился:

— Я вообще-то, если что, не только ради удовольствия.

— Ну а я только. Ни о чем другом даже не начинай задумываться.

— Да?

— Ну конечно! Ты хороший парень, Ян, с тобой весело и интересно, а больше мне ничего не нужно.

— Так приятно это слышать, — буркнул Ян.

Соня рассмеялась:

— Можно подумать, ты хотел чего-то другого? Нет?

— Ну я не знаю...

— А я знаю. Интересные вы все-таки люди, мужики! Прибалтываете девушку на секс и ничего, кроме секса, в голове не держите, и в то же время хотите, чтобы эта девочка была в вас страстно влюблена и только и мечтала за вас замуж! Без этого постель вам почему-то не в радость... И я даже догадываюсь почему.

— Интересно было бы услышать.

— Потому что если женщина, типа, не хочет, то она ваша добыча, и можно не стараться, взять по минимуму, а если хочет, то она уже деловой партнер, и приходится учитывать ее интересы тоже.

— Фу, какая пошлость, — кисло сказал Ян. Из уст Сони такое слышать было не очень приятно.

— Жизнь вообще пошлая штука. — Соня заглянула в сахарницу, поскребла ложкой по слежавшемуся в монолит песку и тут же бросила это занятие. — Ну что, приличия соблюдены, пошли на диванчик?

— Я еще не допил.

— Ты только не думай, пожалуйста, что разбил мне сердце и теперь я такая: «Ха-ха-ха! Любовь обман, жизнь дерьмо, будущего нет!» И демонически хохоча, погружаюсь в пучину цинизма и разврата. Ничего подобного.

Ян улыбнулся и погладил Соню по коленке.

— В общем-то, наверное, и нет разницы, о чем мы сейчас говорим?

— Да нет, Ян, есть. Я хочу, чтобы в этот раз между нами было все сразу ясно.

— Разве так бывает?

— Теперь тебя понесло в пошлятину.

— И то правда.

Ян встал, подал ей руку и притянул к себе. От волос Сони пахло солнцем и немножко антисептиком, он провел ладонью по спине, по бедру, чуть задержался перед тем, как поднять ей юбку.

Соня обняла его, губы их соприкоснулись, но вдруг она напряглась и отстранилась:

— Что-то не то...

— Все то, — хрипло сказал Ян и снова попытался прижать ее к себе, но Соня отступила.

— Нет, не то, разве ты не чувствуешь?

Он осторожно взял ее за руку:

— По мне, так все очень даже то, что надо...

Соня помедлила секундочку, но потом все-таки высвободила ладонь.

— Нет, Ян, что-то перемудрили мы с тобой, — вздохнула она. — И правда не годится вслух обсуждать такие вещи.

— Не я завел этот разговор.

— Ну да, это я дура.

— Сонь, да все в порядке, правда.

Она поморщилась:

— Какое там! Теперь у нас получится не секс, а какая-то бухгалтерия!

Ян подумал, что и правда так, и в этот раз не стал удерживать девушку. Через секунду Соня уже стояла в коридоре, поправляя прическу перед зеркалом.

Ян тяжело вздохнул и надел ботинки.

— А ты куда?

— Провожу.

— Да ну, глупости.

— Провожу, как раньше.

— Да зачем, я ж за рулем.

— Хотя на машинке покатаюсь. Надо ж как-то отвлечься от зова плоти теперь.

— Прости, пожалуйста, я совсем не подумала о твоих чувствах.

— Ничего страшного, я о твоих тоже мало думал.

По дороге они почти не разговаривали, Ян смотрел в окно, раздумывая, обижаться ему или не стоит, так ничего и не решил, но, когда подъехали к Сониному дому и остановились за углом для конспирации, чтобы, не дай бог, не заметили родители, они все-таки поцеловались так нежно и искренне, что все глупые мысли мгновенно вылетели у Яна из головы.

* * *

Конечно, Надя ходила на работу не только для того, чтобы восхищаться Костей Коршуновым. К медицине душа у нее лежала с детства, и со временем она не разочаровалась в своем выборе, как это иногда бывает, когда узнаешь профессию со всех сторон. Наоборот, с каждым днем становилось все интереснее и интереснее.

Считается, что работать с детьми — занятие не для слабонервных, но Надя рискнула и никогда потом не пожалела о принятом решении.

Ребятишки к ней льнули, и даже самое отпетое хулиганье из подростков, томящихся на обследовании, в ее смены не позволяли себе лишнего, хоть Надя считалась медсестрой не просто доброй, а даже слишком добренькой.

Сейчас за ней по пятам ходила Юлечка, поступившая в больницу из детского дома, девочка с множественными пороками развития и умственной отсталостью. Надя однажды взяла ее на ручки, и с тех пор маленькая пациентка ее уже от себя не отпускала. Стоило Наде прийти на работу, как Юля бежала к ней. Это немножко мешало работать, но у Нади духу не хватало оттолкнуть ребенка, с которым жизнь обошлась так сурово.

Не избалованной человеческим вниманием Юлечке, в общем, для счастья-то много и не надо было, просто чувствовать рядом кого-то спокойного и теплого.

Надя снимала назначения, а Юля тихонько сидела у нее на коленках, покручивая пуговицу халата.

Истории Коршунова Надя, как обычно, оставила на сладкое, сначала взяла папку заведующего, ибо его вавилонскую клинопись можно было разбирать только на свежий глаз. Кроме того, его рука не признавала заботливо прочерченных Надей полей, и назначения он писал где угодно, только не там, где положено, указывая путь к ним сложной системой стрелок, и порой приходилось хорошенько поломать голову, чтобы разобраться во всех этих таинственных письменах. На его фоне истории Кости выглядели просто эталоном каллиграфии, и старшая сестра порой ставила их заведующему в пример, на что тот отвечал в том духе, что, когда Константин Петрович научится так же оперировать, как пишет дневники, тогда и поговорим. А пока, граждане, терпите. Возразить на

это было нечего, оставалось только проявлять смелку.

Надя так задумалась над очередным иероглифом заведующего, что не заметила, как подошли Коршунов с Яном Колдуновым.

— Привет, Надюша! — улыбнулся Ян, а Костя взглянул как будто с неприязнью.

— Позволю себе напомнить, что вы постовая медсестра, а не нянька, — отчеканил он так строго, что Надя не нашлась, что ответить.

— Почему-то я постоянно вижу вас играющей с детьми, тогда как вы должны выполнять свои прямые обязанности, — продолжал Коршунов.

— Да будет вам, Константин Петрович, — засмеялся Колдунов и наклонился к Юлечке, — просто Надюша сегодня работает с помощником, верно? Смена растет!

Он подмигнул девочке, и та быстро повернулась к Яну левой стороной, показывая изуродованное ушко.

Наде стало не по себе от этой готовности ребенка услужить, сделать то, что от нее требуется. На обходах студентам демонстрировали это ушко как симптом множественных пороков развития, и Юлечка, видно, запомнила, что от нее нужно людям в белых халатах.

Яну, видно, тоже сделалось грустно, потому что он быстро погладил Юлечку по голове, пробормотав «ничего, ничего, малышка».

— Вы отложили истории больных под наблюдением? — спросил Коршунов.

— Да, конечно.

— А контрольные анализы заказали?

Надя отрапортовала, что уже взяты и через полчаса будут готовы.

— Очень хорошо. — Коршунов взял папку с историями больных под наблюдением. От долгого использования изображение адмиралтейского кораблика на ней почти стерлось, а тесемки растрепались, и Надя видела, что Косте неприятно держать в руках такую потертую старую вещь. — Так, вижу, лейкоциты не растут, температура нормальная... Ну что, Ян Александрович, поможете исключить аппендицит? Все же шестнадцать лет — это возраст ближе к вашим пациентам, чем к моим.

— Один момент, — Ян взял у Нади Юлечку и высоко поднял ее на вытянутых руках, — полетаем немножко и все исключим.

Надя улынулась. Вспомнилось, как папа так же подбрасывал ее на руках, может быть, не сама игра, но чувство удивительного покоя в этой высшей точке под потолком. Мама смеялась, кричала «осторожно, осторожно», но ясно было, что ей не страшно, что она точно знает, папа никогда не выпустит дочь из рук.

И Юлечка сейчас смеялась так же звонко и заливисто, как и Надя тогда, как вообще смеются все дети на земле, когда счастливы.

Колдунов кружился и гудел, как самолет. Надя не могла сдержать улыбки и думала, как хорошо, что клиника только открылась после отпуска, больных еще мало, и в основном это уже большие дети, иначе молодому доктору пришлось бы летать с ними до утра.

Константин Петрович нахмурился и демонстративно взглянул на часы:

— Разрешите напомнить вам, Ян Александрович, что дети — это наши пациенты, а не игрушки.

— Ладно, ладно, — обещал Колдунов, переводя дыхание, — последний заход на цель — и иду.

Надя завороченно смотрела, как он быстро, но бережно пронесит ребенка по широкой дуге, будто самолет заходит на посадку.

Внезапно Костя наклонился к Наде и внимательно посмотрел ей в глаза:

— Я вижу, вы добрая девушка, — сказал он негромко, — но мой вам совет, не привязывайтесь слишком сильно к этому ребенку.

Когда Ян вернул ей Юлечку, Надя обняла ее крепко-крепко. Пусть так, но даже самый больной и убогий человек имеет право получить свою порцию радости.

Доктора пошли смотреть ребенка с подозрением на аппендицит, и напоследок Надя поймала взгляд Кости, то ли жалостливый, то ли брезгливый. Этот взгляд был Наде хорошо знаком, так многие смотрели на больных детей. В теории, на словах жалели, а на деле сторонились, старались поскорее оказаться от такого малыша как можно дальше и вообще забыть о нем. Может, бессознательно боялись чем-то заразиться, а может, просто не хотели расстраиваться.

Костя, понятное дело, таких страхов не испытывал, но дети были для него всего лишь пациентами, сырьем для работы, как тесто для пекаря или мрамор для скульптора.

Наде было очень жаль, что Коршунов такой равнодушный и холодный человек, немного грустно, что он, видя ее с дефективной Юлечкой на руках, невольно переносит часть своего отвращения и на нее саму, но что-то изменить она была не в силах. Костя такой, как есть, и она тоже, и любовь так сильно пустила корни в ее сердце, что уж непонятно, какими чудовищными пороками избранника можно ее вытравить. Остается только радоваться, что чувства ее безответны, и как бы дальше там ни повернулось, а жить с этим черствым сухарем Наде никогда не придется.

* * *

Приближался конец Яновой барщины. Белые ночи давно сменились темными и таинственными августовскими вечерами, кое-где начала подсыхать и желтеть листва, подступили еще по-летнему шумные, но уже долгие и промозглые осенние дожди, утренние часы дышали туманом. Начиналась осень, а с нею новый учебный год и новые надежды.

Яну льстило, что он понравился своим временным коллегам настолько сильно, что его не хотели отпускать, и начмед даже собирался пробить клиническую базу кафедры, чтобы Ян мог и дальше работать в этой больнице. План был хорош и всех устраивал, но для его реализации следовало подождать минимум два года, когда Ян защитит диссертацию и станет полноправным сотрудником кафедры. А сейчас ему предложили пару-тройку

дежурств в месяц, от чего Ян, естественно, отказываться не стал.

Неплохая стипендия, дежурство тут, дежурство там, и, сложив все свои финансы, Ян вдруг с удивлением осознал себя богатым человеком. После многолетней привычки к нищете это оказалось довольно странное и грустное чувство.

Юный голодранец, перебивающийся от стипендии до стипендии, а случайные подарки судьбы беззаботно спускающий на разные плотские удовольствия, уходил в прошлое, а на смену ему появлялся респектабельный мужчина с конкретными целями и серьезными планами на жизнь.

Теперь доходы позволяли завести, например, сберкнижку и копить на автомобиль. Или на первый взнос за кооператив.

И уж конечно, такому солидному человеку в первую очередь необходимо подумать о женитьбе. Ян думал, и, надо сказать, гораздо чаще, чем о машине или жилищном вопросе.

Он скучал по Соне, да и Оля, внезапно вынырнувшая из прошлого, вызывала самые теплые чувства.

Ему приходилось почти каждый день видеться с обеими девушками по работе, и, черт возьми, они обе нравились ему! Но обе вели себя подчеркнуто по-дружески, упорно не понимая тонких и не очень намеков.

На первый взгляд между милой Олей и сдержанной Соней было мало общего, но обе они были хорошие девушки, и Ян знал, что мог бы, что называется, построить семью и с той и с другой. Если